

**Сборник товарищества
"Знание" за 1907 год**

Книга семнадцатая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С23

С23 Сборник товарищества "Знание" за 1907 год: Книга семнадцатая / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 314 с.

ISBN 978-5-458-52987-7

"Знание" - российское книгоиздательское товарищество, Санкт-Петербург, 1898-1913. С 1902 "Знание" возглавлял Максим Горький, объединивший во-круг издательства демократических писателей. С 1904 выпускались "Сборники товарищества "Знание", состоящие из произведений М. Горького, А. И. Куприна, А. С. Серафимовича, И. А. Бунина и др., а также массовые серии политических брошюр.

ISBN 978-5-458-52987-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

М. ГОРЬКІЙ.

М А Т Ь.

(Продолженіе).

М. Горькій. Мать.

За англійскимъ изданіемъ этой повѣсти, выпущенной фирмой

Appleton and Company,

436 Fifth Avenue, New-York,

или ея уполномоченными,

закрѣплены всѣ права оригинала. Оно пользуется защитой законовъ объ авторскихъ правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ Великобританіи и другихъ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски.

Во избѣжаніе недоразумѣній, гг. переводчиковъ просятъ предварительно обращаться къ указанной фирмѣ, или къ представителю автора въ Россіи, Ив. Павл. Ладыжникову, адресъ котораго:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;

„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren

J. Ladyschnikow“.

ХІ.

...Сѣрый, старенькій домъ Власовыхъ притягивалъ къ себѣ вниманіе слободки все болѣе и болѣе, и хотя въ этомъ вниманіи было много подозрительной осторожности и бессознательной вражды, но, въ то-же время, зарождалось и довѣрчивое любопытство. Иногда приходилъ какой-то человѣкъ и, осторожно оглядываясь, говорилъ Павлу:

— Ну-ка, братъ, ты тутъ книги читаешь, законы-то извѣстны тебѣ. Такъ вотъ, объясни ты...

И рассказывалъ Павлу о несправедливости полиціи или администраціи фабрики. Въ сложныхъ случаяхъ, Павелъ давалъ человѣку записку въ городъ къ знакомому адвокату, а когда могъ—объяснялъ дѣло самъ.

Постепенно въ людяхъ возникало уваженіе къ молодому, серьезному человѣку, который обо всемъ говорилъ просто и смѣло и почти никогда не смѣялся, глядя на все и все слушая со вниманіемъ, которое упрямо рылось въ путаницѣ каждаго частнаго случая и всегда, всюду находило какую-то общую, безконечную нить, тысячами крѣпкихъ петель связывавшую людей.

Власова видѣла, какъ сынъ ея выросалъ, она начинала чувствовать смыслъ его работы и, когда это удавалось ей,—радовалась дѣтскою радостью.

Особенно поднялся Павелъ въ глазахъ людей послѣ исторіи съ „болотной копѣйкой“.

За фабрикой, почти окружая ее гнилымъ кольцомъ, тянулось обширное болото, поросшее ельникомъ и березой. Лѣтомъ оно дышало густыми, желтыми испареніями, и на слободку съ него летѣли тучи комаровъ, сѣялихорадки. Болото принадлежало фабриктъ—и новый директоръ, желая извлечь изъ него пользу, задумалъ осушить его, а кстати и выбрать торфъ. Указывая рабочимъ, что эта мѣра оздоровитъ мѣстность и улучшитъ условія жизни для всѣхъ, директоръ распорядился вычитать изъ ихъ заработка копѣйку съ рубля на осушеніе болота.

Рабочіе заволновались. Особенно обидѣло ихъ, что служащіе не входили въ число плательщиковъ новаго налога.

Павелъ былъ боленъ въ субботу, когда вывѣсили объявленіе директора о сборѣ копѣйки; онъ не работалъ и не зналъ ничего объ этомъ. На другой день, послѣ обѣдни, къ нему пришелъ благообразный старикъ, литейщикъ Сизовъ, высокій и злой слесарь Махотинъ и рассказали ему о рѣшеніи директора.

— Собрались мы, которые постарше,—степенно говорилъ Сизовъ,—поговорили объ этомъ и вотъ, послали насъ товарищи къ тебѣ спросить,—какъ ты у насъ человѣкъ знающій, — есть такой законъ, чтобы директору нашей копѣйкой съ комарами воевать?

— Сообрази! — сказалъ Махотинъ, сверкая узкими глазами.—Четыре года тому назадъ они, жулье, на баню собирали. Три тысячи восемьсотъ было собрано... Гдѣ онѣ? Бани—нѣтъ!

Павелъ объяснилъ несправедливость налога и явную выгоду этой затѣи для фабрики; они оба нахмурившись ушли. Проводивъ ихъ, мать сказала, усмѣхаясь:

•

— Вотъ, Паша, и старики стали къ тебѣ за умомъ ходить.

Не отвѣчая, озабоченный, Павелъ сѣлъ за столъ и началъ что-то писать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ ей:

— Я тебя попрошу: сейчасъ же поѣзжай въ городъ, отдай эту записку...

— Это опасное?—спросила она.

— Да. Тамъ печатаютъ для насъ газету... Необходимо, чтобы исторія съ копѣйкой попала въ номеръ...

— Ну-ну!—отозвалась она, поспѣшно одѣваясь.—Я сейчасъ...

Это было первое порученіе, данное ей сыномъ. Она обрадовалась тому, что вотъ онъ открыто сказалъ ей, въ чемъ дѣло, и она можетъ быть прямо полезна ему.

— Это я понимаю, Паша!—говорила она. — Это ужъ они грабятъ!.. Какъ человѣка-то зовутъ, Егоръ Ивановичъ?

Она воротилась поздно вечеромъ, усталая, но довольная.

— Сашеньку видѣла!—говорила она сыну. — Кланяется тебѣ. А этотъ Егоръ Ивановичъ простой такой... шутникъ! Смѣшно онъ говорить.

— Я радъ, что они тебѣ нравятся!—тихо сказалъ Павелъ.

— Простые люди, Паша! Хорошо, когда люди простые... И всѣ уважаютъ тебя...

— Въ понедѣльникъ Павелъ снова не пошелъ работать, у него болѣла голова. Но въ обѣдъ прибѣжалъ Федя Мазинъ, взволнованный, счастливый и, задыхаясь отъ усталости, сообщилъ:

— Идемъ! Вся фабрика поднялась. За тобой послали... Сизовъ и Махотинъ говорятъ, что ты лучше всѣхъ можешь объяснить... Что тамъ дѣлается!.. Бабы прибѣжали, — вязать!

Павелъ молча сталъ одѣваться.

— Я тоже пойду!—заявила мать.—Ты нездоровъ и... все. Что они тамъ затѣяли?.. я пойду!

— Иди!—кратко сказалъ Павелъ.

По улицѣ шли быстро и молча. Мать задыхалась отъ ходьбы и волненія, она чувствовала—надвигается что-то важное... Въ воротахъ фабрики стояла толпа женщинъ, крикливо ругаясь. Когда они трое проскользнули во дворъ, то сразу попали въ густую, черную, возбужденно гудѣвшую толпу. Мать видѣла, что всѣ головы были обращены въ одну сторону, къ стѣнѣ кузнечнаго цѣха, тамъ на грудѣ стараго желѣза и фонѣ краснаго кирпича стояли, размахивая руками, Сизовъ, Махотинъ и Вяловъ и еще человѣкъ пять пожилыхъ, вліятельныхъ рабочихъ.

— Власовъ идетъ!—крикнулъ кто-то.

— Власовъ? Давай его сюда...

Павла схватили, толкнули впередъ и мать осталась одна.

— Тише!—кричали сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

И гдѣ-то близко раздавался ровный голосъ Рыбина:

— Не за копѣйку надо стоять, а за справедливость, вотъ! Дорога намъ не копѣйка наша, она не круглѣе другихъ, но она тяжелѣе—въ ней крови человѣческой больше, чѣмъ въ директорскомъ рублѣ, вотъ! И не копѣйкой дорожимъ,—кровью, правдой, вотъ!

Слова его сильно падали на толпу и высѣкали горячія восклицанія:

— Вѣрно! Такъ, Рыбинъ!

— Тише, дьяволы!

— Правильно, кочегаръ!

— Власовъ пришелъ!

Заглушая тяжелую возню машинъ, трудные вздохи пара и шелестъ проводовъ, голоса сливались въ шумный вихрь. Отовсюду торопливо бѣжали люди и, размахивая руками, вступали въ споръ, разжигая другъ друга горячими колкими словами. Безысходное раз-

драженіе, всегда дремотно таившееся въ усталыхъ грудяхъ, просыпалось, требовало выхода и, вырываясь изъ устъ, торжествуя летало по воздуху, все шире расправляя темныя крылья, все крѣпче охватывая людей, увлекая ихъ за собой, сталкивая другъ съ другомъ, перерождаясь въ пламенную злобу. Надъ толпой колыхалась туча копоти и пыли, облитыя потомъ лица горѣли и кожа щекъ плакала черными слезами. На темныхъ лицахъ сверкали глаза, блестѣли зубы.

Тамъ, гдѣ стояли Сизовъ и Махотинъ, появился Павелъ, и прозвучалъ его крикъ.

— Товарищи!

Мать видѣла, что лицо у него поблѣднѣло и губы дрожать; она невольно двинулась впередъ, расталкивая толпу. Ей раздраженно говорили:

— Куда лѣзешь, старуха!

Толкали ее. Но это не останавливало женщину раздвигая людей плечами и локтями, она медленно протискивалась все ближе къ сыну, повинуюсь желанію встать рядомъ съ нимъ.

А Павелъ, выбросивъ изъ груди слово, въ которое онъ привыкъ вкладывать глубокой и важный смыслъ почувствовалъ, что горло ему сжала острая спазма боевой радости; его охватило необоримое желаніе отдать себя силѣ своей вѣры, бросить людямъ свое сердце, зажженное огнемъ мечты о правдѣ.

— Товарищи! — повторилъ онъ, черпая въ этомъ словѣ восторгъ и силу. Мы—тѣ люди, которые строятъ церкви и фабрики, куютъ цѣпи и деньги... мы—та живая сила, которая кормитъ и забавляетъ всѣхъ отъ пеленокъ до гроба...

— Вотъ!—крикнулъ Рыбинъ.

— Мы всегда и вездѣ—первые въ работѣ и на послѣднемъ мѣстѣ въ жизни. Кто заботится о насъ? Кто хочетъ намъ добра? Кто считаетъ насъ людьми? Никто!

— Никто!—отозвался, точно эхо, гулкой голосъ.

Павелъ, овладѣвая собой, сталъ говорить проще и спокойнѣе, толпа медленно подвигалась къ нему, складываясь въ темное, тысячеглавое тѣло. Она смотрѣла въ его лицо сотнями внимательныхъ глазъ и всасывала его слова

— Мы не добьемся лучшей доли, покуда не почувствуемъ себя семьей друзей, крѣпко связанныхъ однимъ желаніемъ, — желаніемъ бороться за наши права.

— Говори о дѣлѣ! — грубо закричали гдѣ-то рядомъ съ матерью.

— Не мѣшай ему! Молчите! — негромко раздались два возгласа въ разныхъ мѣстахъ.

Закопченныя лица хмурились недовѣрчиво, угрюмо, десятки глазъ смотрѣли въ лицо Павла серьезно, вдумчиво.

— Соціалистъ, а не дуракъ! — замѣтилъ кто-то.

— Ухъ! Смѣло говорить! — толкнувъ мать въ плечо, сказалъ высокій, кривой рабочій.

— Пора, товарищи, дать отпоръ жадной силѣ, которая живетъ нашимъ трудомъ, пора защищаться, надо понять, что никто, кромѣ насъ самихъ, не поможетъ намъ! Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного — вотъ нашъ законъ, если мы хотимъ одолѣть врага!

— Дѣло говорить, ребята! — крикнулъ Махотинъ — Слушай правду! Слушай!

И широко взмахнувъ рукой, онъ потрясъ въ воздухѣ кулакомъ.

— Надо вызвать директора сейчасъ-же! — продолжалъ Павелъ. — Надо спросить его...

По толпѣ точно вихремъ ударило. Она закачалась, и десятки голосовъ сразу крикнули:

— Директора сюда!

— Пусть объяснитъ!

— Веди его!

— Депутатовъ послать за нимъ!

— Не надо!

Мать протолкалась впередъ и смотрѣла на сына снизу вверхъ. Она была полна гордости. Павелъ стоялъ среди старыхъ, уважаемыхъ рабочихъ, всѣ его слушали и соглашались съ нимъ. Ей нравилось, что онъ спокоенъ и говорить такъ просто, не злится, не ругается, какъ другіе.

Точно градъ на желѣзо, сыпались отрывистыя восклицанія, ругательства, злые слова. Павелъ смотрѣлъ на людей сверху и искалъ среди нихъ чего-то, широко открытыми глазами.

— Депутатовъ!

— Сизовъ пускай говоритъ!

— Власовъ!

— Рыбина! У него зубы страшные!

Наконецъ выбрали для разговора съ директоромъ троихъ: Сизова, Рыбина и Павла, и уже хотѣли послать за нимъ, какъ вдругъ въ толпѣ раздались негромкія восклицанія:

— Самъ идетъ!...

— Директоръ!..

— Ага-а?!

Толпа разступилась, давая дорогу высокому и сухому человѣку, съ острой бородкой и длиннымъ лицомъ.

— Позвольте! — говорилъ онъ, отстраняя рабочихъ съ своей дороги короткимъ жестомъ руки и не дотрагиваясь до нихъ. Глаза у него были прищурены и взглядомъ опытнаго владыки людей онъ испытующе щупалъ лица рабочихъ. Передъ нимъ снимали шапки, кланялись ему; онъ шелъ, не отвѣчая на поклоны, и сѣялъ въ толпѣ тишину и смущеніе, конфузливныя улыбки и негромкія восклицанія, въ которыхъ уже слышалось раскаяніе дѣтей, сознающихъ, что они напалили.

Вотъ онъ прошелъ мимо матери, скользнувъ по ея лицу строгими глазами, остановился передъ грудой

желѣза. Кто-то сверху протянулъ ему руку; онъ не взялъ ея, свободно, сильнымъ движеніемъ тѣла влѣзъ наверхъ, всталъ впереди Павла и Сизова и спросилъ:

— Это что за оборище? Почему вы бросили работу?

Нѣсколько секундъ было тихо. Головы людей покачивались точно колосья. Сизовъ махнулъ въ воздухъ картузомъ, повелъ плечами и опустилъ голову.

— Я спрашиваю!—крикнулъ директоръ.

Павелъ всталъ рядомъ съ нимъ и громко сказалъ, указывая на Сизова и Рыбина.

— Мы трое уполномочены товарищами потребовать, чтобы вы отмѣнили свое распоряженіе о вычетѣ копѣйки...

— Почему?—спросилъ директоръ, не взглянувъ на Павла.

— Мы не считаемъ справедливымъ такой налогъ на насъ!—громко сказалъ Павелъ.

— Вы что-же, въ моемъ намѣреніи осушить болото видите только желаніе эксплуатировать рабочихъ, а не заботу объ улучшеніи ихъ быта? Да?

— Да!—отвѣтилъ Павелъ.

— И вы тоже?—спросилъ директоръ Рыбина.

— Всѣ одинаково!—отвѣтилъ Рыбинъ.

— А вы, почтенный?—обратился директоръ къ Сизову.

— Да и я тоже попрошу: ужъ вы оставьте копѣчку-то при насъ!

И снова наклонивъ голову, Сизовъ виновато улыбнулся.

Директоръ медленно обвелъ глазами толпу, пожалъ плечами. Потомъ испытующе оглядѣлъ Павла и замѣтилъ ему:

— Вы кажетесь довольно интеллигентнымъ человекомъ, — неужели и вы не понимаете пользу этой мѣры?

Павелъ громко отвѣтилъ: